

указатель архивных материалов, связанных в основном с биографическими данными о Бичурине. Хорошая биография помогла бы читателю составить правильное представление об ученом как человеке и гражданине. К сожалению, такая биография Н. Я. Бичурина еще не создана. Автор биографического очерка, предпосланного I тому переиздания, недостаточно отделил важное, существенное от стороннего, мешающего четкому представлению о Н. Я. Бичурине (не говоря уже о некоторых мелких неточностях в биографии).

Завершено выходом рецензируемого тома переиздание «Собрания сведений...» является важным вкладом в дело изучения истории народов нашей Родины и сопредельных с ней дружественных стран Азии.

Г. Г. Стратанович

С. А. Сардарян. *Палеолит в Армении*. Академия наук Армянской ССР, Институт истории, Ереван, 1954.

Огромных успехов достигла советская археология в изучении древнейшего периода истории нашей страны — палеолита. За годы Советской власти открыты сотни новых палеолитических стоянок и местонахождений. Многие новооткрытые интересные материалы были опубликованы в нашей печати. В последние годы как некоторый итог проделанной работы вышли из печати монографические работы по палеолиту П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, Г. А. Бонч-Осмоловского, М. З. Паничкиной, П. И. Борисковского. К числу таких работ относится и труд С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении».

С. А. Сардаряну принадлежит большая заслуга в изучении древнейшей культуры первобытного человека на территории Армении. Начиная с 1943 г., С. А. Сардарян исследовал в Армении, в районах горы Артин и реки Раздан, ряд стоянок, которые дали богатейшие коллекции орудий. Изучение их позволило «окончательно установить наличие культуры первобытного человека на территории Армении в течение всего четвертичного периода, т. е. с шельской эпохи нижнего палеолита вплоть до неолита» (стр. 17).

Труд С. А. Сардаряна включает в себе результаты изучения палеолитических орудий, собранных в течение 1944—1949 гг. Книга состоит из пяти глав: первая — «Краткая история изучения палеолитической культуры Армении»; вторая — «Географическая среда и геологические условия Армении в древнейшую эпоху»; третья — «Нижний палеолит»; четвертая — «Средний палеолит» и пятая — «Верхний палеолит». Особенный интерес представляет третья глава, где автор выделяет комплекс дошельских и раннешельских орудий из стоянок на склоне горы Артин (Сатани-дар, Арегуни-блур, Еркарук-блур). Это наиболее древние следы пребывания человека на территории СССР, в частности в Армении. Вместе с палеантропологической находкой в Грузии (так называемый «удабнопитек») это позволяет включить Закавказье в территорию прародины человека. В связи с этим очевидно огромное значение древнейших находок на горе Артин, принадлежащих, возможно, к числу первых человеческих орудий.

«Палеолит в Армении» С. А. Сардаряна дает картину последовательного развития культуры палеолитического человека на протяжении сотен тысяч лет.

Книга хорошо издана, ею удобно пользоваться: она снабжена большим числом прекрасных иллюстраций и таблиц, именных, предметных и другими указателями.

Работа С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении» является серьезным вкладом в дело изучения древнейших этапов истории первобытного общества.

З. Соколова

М. Г. Абдушелишвили. *К палеантропологии Самтаврского могильника*. Тбилиси, 1954.

Рецензируемая работа является кандидатской диссертацией автора, защищенной им в Институте антропологии МГУ зимой 1952 г. В ней даются подробное описание и анализ антропологического материала, добытого в наиболее древних погребениях многослойного Самтаврского могильника, являющегося одним из интереснейших и богатых находками памятников эпохи бронзы и железа на территории Грузии. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. К ней приложены таблицы индивидуальных измерений, список использованной литературы, включающий 101 название, и 18 фототаблиц, на которых представлены все изученные автором черепа.

Во введении излагаются основные теоретические положения советской антропологической школы, выдвинутые в ряде работ советских антропологов и положенные автором в основу своей работы. Автор говорит о значении, которое придавали антропологическим исследованиям классики марксизма-ленинизма и, в частности, Ф. Энгельс, использовавший антропологические материалы в известной работе «К истории древних германцев». Автор приводит высказывания академика И. А. Джавахишвили о важности для разрешения проблем этногенеза антропологических исследований, которым выдающийся грузинский историк придает решающее значение. Это, пожалуй, слишком сильно сказано; физические признаки при определении родственных связей между народами

имеют, конечно, очень важное, но не всегда решающее значение, и автор далее (стр. 5) правильно определяет роль антропологических данных.

В первой главе обстоятельно излагаются археологические данные о Самтаврском могильнике, подробно описывается материал, положенный в основу исследования, и методика, примененная при его изучении. Имеются расхождения в указании числа изученных черепов: на стр. 14 сумма их составляет 75, на стр. 16 — 73. Рассмотрение индивидуальных таблиц показывает, что два черепа (№ 3516 — эпохи бронзы и № 6921 — эпохи железа) настолько фрагментарны, что на них не взято ни одного размера; но тогда их либо вообще не следовало считать, либо оговорить, что цифры стр. 16 относятся к числу измеренных черепов.

Определение пола и возраста черепов производилось автором по шкалам, разработанным А. Н. Натишвили и опубликованным в его книге «Нормальная анатомия человека» (Тбилиси, 1942). Книга эта издана на грузинском языке, и в работе, опубликованной по-русски, было бы желательно видеть указания не только на методы определения половой принадлежности, которые впрочем не отличаются от общепринятых, но и на метод определения возраста, в особенности, если этот метод отличается от более распространенных шкал. В индивидуальных таблицах данные о возрасте отсутствуют.

Вряд ли стоило приводить пространное описание общеупотребительных инструментов, которыми пользовался автор. Что же касается набора признаков, то следует пожалеть об отсутствии измерений нижней челюсти, кроме бигониального диаметра, а также о применении автором описательного способа глубины клыжовой ямки. Последнее автор мотивирует тем, что «рубрикация для подобного рода измерений пока не разработана» (стр. 18). Однако, если все палеантропологи станут на подобную точку зрения, рубрикация эта никогда не будет разработана, так как только в процессе накопления цифрового материала по самым разнообразным сериям и явится возможность выделить границы классовых интервалов этого важного признака.

Следует отметить неточность, допущенную в параграфе, посвященном методике. Автор пишет, что определение общего типа черепа в вертикальной норме производилось им по шкале Мартина (стр. 18). Однако везде в таблицах средних, помещенных в тексте, фигурирует рубрикация Фрассетто.

Вторая глава посвящена очень тщательному и подробному описанию материала по периодам: бронзовому (XIII—XII вв. до н. э.), переходному (X—IX вв. до н. э.) и железному (VIII—IV вв. до н. э.). Описание дается отдельно для мозгового и лицевого черепа и сопровождается таблицами, включающими средние и параметры, необходимые для характеристики вариационных рядов. В заключении к этой главе дается суммарная характеристика черепов каждого периода. Тщательность как самого описания, так и иллюстрирующих его таблиц превосходит самые высокие требования, которые могут быть предъявлены к подобного рода работе: средняя арифметическая и другие параметры вычислены с точностью до двух десятичных знаков даже тогда, когда число наблюдений равно двум. Однако в изложении все же вкрались незначительные неточности. Так, на стр. 36 в табл. 5 указано, что нижний край грушевидного отверстия определен на 10 женских черепях эпохи бронзы, тогда как из индивидуальных таблиц видно (если это не опечатка), что он определен на 12 черепях. На стр. 50, говоря о горизонтальной профилировке лица черепов переходного периода, автор считает ее очень резкой. Но величины назомального угла в $137^{\circ}0$ для мужчин и в $140^{\circ}2$ для женщин скорее приближаются к границе максимальных величин в пределах европеоидной большой расы. Даже у ряда монголоидных групп — чувашей, хантов, североамериканских индейцев — он равен 141° — 144° , т. е. немногим больше, чем в самтаврской серии.

Третья глава является центральной в исследовании. В ней автор на основании материалов, изложенных во второй главе, приходит к выводу о существовании среди изученных черепов двух морфологических, хронологически одновременных вариантов, один из которых, названный автором «самтаврский вариант I», представлен черепами бронзового и переходного периодов, и второй — «самтаврский вариант II» — черепами эпохи железа. Разница между ними наблюдается, по мнению автора, в 13 измерительных и описательных признаках: головном указателе, высоте и емкости черепа, ширине лба, степени развития надбровья, высоте, ширине и горизонтальной профилировке лица, высоте и ширине носа, носовым указателем, форме нижнего края грушевидного отверстия и высоте орбит. Первый самтаврский вариант имеет долихокранный, высокий череп с малоразвитым надбровьем, высокое и узкое лицо с высоким узким носом и орбитами средней высоты. Второй вариант отличается от первого меньшим головным указателем, более высоким черепом с более развитым рельефом, более низким и широким и менее профилированным лицом с более низким и широким носом, большим процентом fossae praenasales и более низкими орбитами. Первый вариант автор диагностирует как принадлежащий к средиземноморской ветви европеоидной большой расы, второй — как «еврафриканский» вариант, сохранивший некоторые черты протоевропейского типа. Уверенность автора в реальности разницы между ними возрастает по мере приближения к концу книги. Так, на стр. 50 он имеет «...основание утверждать, что типологическая разница между этими вариантами довольно убедительна». Далее он пишет, что «...разница между ними убедительна» (стр. 85). Наконец, седьмой вывод книги гласит (стр. 112): «Разница между первым и вторым самтаврскими вариантами настолько убедительна, что они не могут быть генетически связаны в изученном отрезке времени» (разрядка везде моя.— В. А.).

Однако убедительность выводов автора снижается вследствие недостаточного числа наблюдений и наличия функциональной корреляции между признаками. В некоторых случаях различия женских групп идут в обратном направлении в сравнении с мужскими, что заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Наиболее заметны различия по черепному и носовому указателю, зигмаксиллярному углу горизонтальной профилировки и высоте орбит, но и здесь разница между женщинами значительно меньше, чем между мужчинами. Таким образом, не отрицая возможности морфологических различий между антропологическими типами эпохи бронзы и железа, следует подождать с их констатацией до появления большего количества материала. В связи с этим становится спорным место, которое дал им автор в расовой систематике европеоидной большой расы. Если отнесение первого самтавского варианта к средиземноморской ветви не вызывает сомнений, то второй вариант диагностирован вряд ли правильно. Во-первых, лучше, пожалуй, говорить не о «еврафриканском» типе, а скорее о следах «еврафриканского» типа, если бы второй вариант обнаруживал определенное тяготение в этом направлении. Но полное отсутствие альвеолярного прогнатизма, что признает и автор, форм *sulcus graeasalis* в строении нижнего края грушевидного отверстия, сопровождающееся не уменьшением, а увеличением угла выступления носа, говорит об отсутствии такого тяготения. Поэтому, если даже и существуют отличия между вариантами, имеется больше оснований считать второй самтавский вариант подобно первому, принадлежащим к средиземноморской или южной группе антропологических типов европеоидной расы.

В четвертой главе дается обзор уже известного палеантропологического материала с территории Кавказа и Передней Азии и сопоставление его с самтавским. Первый самтавский вариант на территории Кавказа автор сближает с черепами кобанской культуры, а за его пределами — с черепами шумеров III тысячелетия до н. э., со средиземноморской группой дагманской серии и группами саков Средней Азии; второй — с севанскими и южноазербайджанскими черепами на территории Кавказа и черепами шумеров IV тысячелетия (эль-убайдский вариант) за его пределами. Столь широкое распространение сходных форм также свидетельствует против, концепции автора, так как говорит о неспецифичности отмеченного сходства, которое является, скорее всего, результатом малого числа наблюдений. Таким образом, основным выводом этой главы следует считать не указания на связь самтавского материала с теми или иными типами, выделенными на палеантропологическом материале в древнем населении Передней Азии, а четко сформулированное автором и бесспорно доказанное им в общей форме всей совокупностью цифровых данных положение о формировании самтавского краниологического типа на территории Передней Азии. В настоящее время, когда лингвистические данные, повидимому, не могут быть использованы для обоснования генетической связи народов Кавказа с народами Ближнего Востока, важность этого вывода особенно велика¹.

Весьма важным является и опровержение взглядов Р. Вирхова на процесс происхождения картвельских племен Закавказья. М. Г. Абдушелишвили справедливо указывает, что отрицание связи между современными грузинами и древним населением эпохи бронзы только на основании различной величины головного указателя у тех и других является приложением к данному конкретному случаю концепции неизменности расовых типов во времени — концепции, давно отброшенной советской антропологией.

В заключительной части автор рисует перспективу дальнейших исследований проблемы происхождения грузинского народа по данным антропологии и в тезисной форме суммирует содержание книги. Нельзя не пожалеть о том, что в работу не вошел сравнительный материал по краниологии народов Кавказа, представленный в его диссертации. Нельзя не пожалеть и об отсутствии списка опечаток, а они в книге имеются.

Резюмируя, приходим к выводу, что хотя один из главных тезисов автора нуждается в дополнительной аргументации на основе новых материалов, рецензируемый труд является ценным исследованием, дающим тщательное описание и в главных чертах правильную интерпретацию очень важного, хотя и немногочисленного материала, и полезным справочником по палеантропологии Кавказа и Передней Азии. Так же, как и статья автора, написанная им совместно с А. Н. Натишвили и М. И. Абдушелишвили и посвященная публикации богатых материалов соматологического обследования современного населения, собранных Институтом экспериментальной морфологии Академии наук Грузинской ССР², он свидетельствует о непрерывном творческом росте коллектива антропологов столицы советской Грузии. Будем с нетерпением ожидать выхода в свет очередной работы М. Г. Абдушелишвили, посвященной публикации краниологического материала из поздних погребений Самтавского могильника.

В. Алексеев

¹ И. М. Дьяконов, О языках древней Передней Азии, «Вопросы языкознания», 1954, № 5.

² А. Н. Натишвили, М. И. Абдушелишвили, М. Г. Абдушелишвили, Материалы экспедиции 1950 года по антропологии современного населения Грузинской ССР, Труды Института экспериментальной морфологии АН Груз. ССР, т. IV, Тбилиси, 1953.